

Примітки

¹Словотвірні типи розподіляються у таблиці за частиномовною приналежністю мотивуючої бази і кількістю лексем, що експлікують верхні індекси [17, с. 16].

²Agens – від лат. agere «діяти» [18, т. 1, с. 32].

³Німецькі лінгвісти Б. Брендель і Ш. Мозер [13, с. 260; 16, с. 72] називають такі випадки парафразування відіменникових дериватів Tätigkeitsprädikation або *Turnprädikation*.

⁴До словотвірної парафрази уходять дієслова *wohnen* 'жити, проживати, мешкати' або *kommen* 'походити з...'

⁵«Haben-Prädikation» (термін Б. Брендель [13, с. 260]).

⁶М. Лексер [9, т. 1, с. 31] подвійно тлумачить цей іменник: *æhter* 'зневажаючий, переслідувач' 'jemand, der ähret' ('той, хто зневажає, переслідує'), та *æhter* 'зневажений' 'jemand, der verähtet wird' ('той, кого зневажають, переслідують').

УДК 81.373.211

Соколова Т. П.

УКРАИНСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА МОСКВЫ

Топонимия Москвы и Московской области складывалась в течение длительного времени и «впитала» разноразличные топоосновы. Достаточно явно в ономастическом пространстве Москвы проявляются следы бывших выходцев из неславянских стран, а также Польши и Украины.

Очевидна связь Москвы с Киевом. Одно из древнейших городищ – *Киевец* – располагалось на берегу Москвы-реки, было опоясано ручьем Черторыем. На археологической карте *Киевец* показан близ Остоженки, рядом с селом Семчинским, напротив «лугов, что потягли к с. Хвостовскому». По мнению историков Москвы, на месте улицы Остоженка была в древние времена дорога из Киева и Смоленска во Владимир, Суздаль, Ростов Великий. Дорога эта шла через Москву-реку (там, где ныне располагается Крымский мост, а тогда был брод) мимо прибрежных сел и лугов к Кремлю и далее на север и северо-восток. Н. М. Карамзин приводит сведения о переселении в 1332 г. в Москву на службу к Ивану Калите боярина Родиона Несторовича с сыном Иваном «и с ним же княжата и Дети Боярские и двора его до тысячи и до семи сот». Они поселились невдалеке от сухопутной дороги из Киева и построили деревянную церковь Николая, «что в Киевцах» [5, с. 149-150]. Однако, по мнению К. А. Аверьянова, этому утверждению противоречат следующие факты: храм впервые упоминается в сохранившихся источниках в 1625 г. с уточнением «позади Зачагейского монастыря, за Чертольскими вороты», и только с 1657 г. у него появляется определение «что в Киевце, у Москвы-реки, на берегу». В связи с этим историк делает вывод, что селение *Киевец* появилось в XVII в.: в 1654 г. жители Киева присягнули царю Алексею Михайловичу, после чего разразилась русско-польская война, и с этого времени появляются в Москве выходцы из Украины, для поселения которых была выделена земля, получившая название *Киевец* [1, с. 41]. На наш взгляд, факты более древнего существования *Киевца* подтверждаются. Родион Несторович – историческое лицо, его сын Иван Родионович Квашня умер в 1380 г., именно от него и пошел род Квашниных [3, с. 138]. Хотя церковь Николая Чудотворца действительно получила привязку «что в Киевцах» в XVII в., но, по данным Паламарчука, существовала в 1524 г., перестроена в камне в 1691 г., упразднена в 1772, разобрана в 1773 г. [8, с. 508]. В селении выходцев из Киева был еще один храм – Ильи Пророка Обыденного (построенный обыденкой, то есть за один день), по данным Сытина, XV в., но первое упоминание в 1611 г. Очевидна связь этого храма с киевской традицией [6, с. 134].

Еще один древний след в московской топонимии связан с именем Дмитрия Михайловича Боброка, получившего прозвище Волынский. Во второй половине XIII в. население Киевской и Волынской земель, спасаясь от татарского нашествия, передвигалось в Галицкую и Прикарпатскую земли. В середине XIV в. галичанам и волынянам пришлось испытать опустошительные набеги польского короля Казимира Великого. К этому времени относится выезд из Волыни в Москву крупного боярина Боброка. Дмитрий Михайлович прибыл в город с обширным «двором» дружинников и слуг и был принят с большой честью: великий князь Дмитрий Иванович отдал ему в жены свою сестру и пожаловал большими вотчинами, одно из сел – *Волыньское* (в летописных источниках впервые упоминается с 1572 г.) – сохранилось в современной Москве как название местности на берегу реки Сетунь и в имени улицы – *Старовольнская* [2, с. 383].

Со второй волной переселения украинцев в Москву связаны иные названия. *Хохловка, Хохлы* – с XVII в. так именуется местность в Старых Садах, где селились выходцы из Украины. В 1696 г. в *Хохловском переулке* построена церковь Животворящей Троицы, которая получила ориентирующий компонент «в Хохлах», «что в Хохловке». По переулку была названа *Хохловская площадь*. Поблизости расположена и улица *Маросейка*, где в XVII в. находилось Малороссийское подворье: здесь останавливались представители гетманов Украины. В названии улицы закрепилась сокращенная московская форма – *Маросейка*. В 1954 г. в ознаменование 300-летия воссоединения Украины с Россией улица была переименована в ул. *Богдана Хмельницкого*. В 1990 г. восстановлено первоначальное название. Улицы *Верхняя и Нижняя Хохловка, Новохоловская* связаны с другой деревней *Хохловка*, расположенной на одноименной речке (ныне *Хохловский ручей*) на востоке Москвы, по соседству с Калитниками [4; с. 11].

Целый куст «украинских» названий формируется в связи со строительством железнодорожного вокзала, открытого в 1899 г. как *Брянский* (по конечному пункту – гор. Брянск), с 1934 г. – *Киевский*. К нему примыкают *Брянская вокзальная площадь* (ныне пл. *Киевского вокзала*), *Брянская ул., Киевская ул., 1-й, 2-й Брянские пер., Украинский бульвар* (с 1965 г.), ведущий к гостинице «Украина» и наб. *Тараса Шевченко* (с 1961 г.). В 2001 г. поблизости сооружен мост *Богдана Хмельницкого*. В 1937 г. в здании *Киевского вокзала* встроены наземный вестибюль станции метро – *Киевская*. В украинской станции использован рельефный украинский национальный орнамент. В 1953 и 1954 гг. открыты одноименные станции Арбатско-Покровской и Кольцевой линий. В оформлении их использованы украинские национальные орнаменты, фрески, посвященные событиям из истории Украины. Московский метрополитен – памятник сталинской эпохи, поэтому сюжеты «идеологически выдержанные»: на торцовой стене – красочное панно в память о 300-летию воссоединения Украины с Россией, свод

станционного зала украшают 18 мозаичных панно: «Переяславская рада», «Полтавская битва», «А. С. Пушкин на Украине», «Т. Г. Шевченко в Петербурге у Н. Г. Чернышевского», «Строительство Днепровской ГЭС» и др.

Отметим, что «украинские» названия советской эпохи нельзя причислить к так называемым идеологическим символам, как в других городах [см. 7, с. 125], в Москве они выполняют ориентирующую функцию в рамках принципа московской «географической розы ветров» [9; с. 11]. Причем этот принцип номинации продуктивен в эпоху разных политических лидеров. *Полесский пр.* назван в 1965 г., а *1-я, 2-я Карпатские ул.* – в 1984 г. 32 линейных объекта названы по городам Украины, например, *Винницкая ул., Днепропетровская ул., Донецкая ул., Житомирская ул., Харьковская ул., Изюмская ул., Одесская ул.* Причем если в советскую эпоху ориентирующая функция таких названий сочеталась с идеологической (*Краснодонская ул., Донбасская ул., Донецкая ул.*), то с 90-х гг. политические мотивы отходят на второй план – *Нежинская ул.* Ряд названий выпадает из этой системы: *Кременчугская ул.* названа в 1963 г. по гор. Кременчуг, якобы в связи с расположением на западе Москвы, но Кременчуг, основанный в XVI в. как крепость на Днепре, лежит не к западу, а к югу от Москвы. *Полтавская ул.* расположена в на севере Москвы и названа в 1922 г. в честь победы русских войск в битве со шведами под Полтавой. Выбор названия для улицы именно в этом районе связан с тем, что здесь вплоть до 1767 г. стоял Бутырский полк, принимавший участие в Полтавском сражении. *Черниговский пер.* в центре Москвы назван по храму Черниговских мучеников и исповедников, который был возведен в 1675 г. на месте встречи в XIV в. мощей черниговского князя Михаила и его боярина Федора, убитых в Золотой Орде в 1245 г. и причисленных православной церковью к лику святых. Отдельно следует рассматривать «крымские названия» [см. 10].

Среди мемориальных названий можно выделить группу в память о людях, действительно связанных с историей и культурой Украины (ул. *Боженко*, ул. *Ивана Франко*, ул. *Леси Украинки*, ул. *Коцюбинского*, ул. *Довженко*), и группу названий в честь выдающихся людей с «украинскими фамилиями»: ул. *Полины Осипенко*, ул. *Академика Глушко*, просп. *Маршала Гречко*, ул. *Ирины Левченко* и др.

Особого внимания заслуживают названия с украинскими лексемами. Улица *Старый Гай* (1970 г.) унаследовала имя от застроенного ныне проезда, проложенного по направлению к роще, которую украинские крестьяне графа Шереметева, переселенные сюда в XVIII в., именовали «гай». *Грайвороновская улица* сохраняет название бывшего подмосковного села Грайворонново (антропоним, лежащий в основе ойконима, образован от укр. «грайворон»).

На периферии ономастического пространства Москвы появляются новые украинские урбанонимы: корчма «*Тарас Бульба*» (сеть ресторанов), корчма «*Вечера на хуторе*», рестораны «*Запорожская Сечь*», «*Увага*», «*Шинок*». Круг украинских названий в Москве продолжает расширяться.

Источники и литература

1. Аверьянов К. А. История Московских районов: Энциклопедия. – М.: Астрель, 2005.
2. Веселовский С. Б. Подмосковье. – М.: Московский рабочий, 1955.
3. Веселовский С. Б. Ономастикон. – М.: Наука, 1974.
4. Имена московских улиц: Топонимический словарь. – М.: ОГИ, 2007.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского. – М.: Книга, 1988. – Кн. 1. – Том IV.
6. Кудрявцев М. П. Москва в XVII веке. Дисс... канд. архитект. наук. – М., 1981.
7. Мезенко А. М. Мотивы номинации улиц белорусских городов. В: Топонимика и межнациональные отношения. – М.: МФГО, 1992.
8. Паламарчук П. Сорок сороков. Т. IV. – М., 1995.
9. Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Топонимия Москвы. – М., 1982.
10. Соколова Т. П. Крым в названиях улиц и других объектов Москвы // Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации (Ялта, 29 сентября – 4 октября, 2003). – Симферополь, 2003. – С. 314-315.
11. Улицы Москвы. Старые и новые названия. Топонимический словарь-справочник. – М.: Наука, техника, образование, 2003.

Султанова М. Т.

ГИПЕРБОЛА КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Категория интенсивности является одной из важнейших категорий текста. Она направлена на то, чтобы вызвать эмоциональный отклик у читателя и посредством этого восприятия обеспечить более глубокое понимание содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и подтекстовой информации. Концептуализация обусловлена, с одной стороны, соответствующей языковой системой, и с другой стороны – особенностями социума, в которой эта языковая система функционирует. Индивидуальность авторов постмодернистских текстов проявляется не в выборе моделей репрезентации, а в выборе ее общих концептуальных оснований и конкретных языковых средств реализации интенсивности в тексте. По мнению И. П. Ильина, «постмодернистский взгляд на мир характеризуется убеждением, что любая попытка сконструировать «модель мира» – как бы она не оговаривалась или ограничивалась эпистемологическими сомнениями – бессмысленна» [3, с. 265]. В постмодернистских произведениях создается определенная «символическая реальность» – трехмерное игровое пространство: между мифом, историческими реалиями и художественным вымыслом, а также своей собственной историей [1, с. 13]. Национальное своеобразие постмодернистского произведения определяют: язык, доминирование в тексте деконструируемых цитаций из данной национальной культуры, внимание к национальной проблематике, национальный склад мышления, тип юмора, иронии и склонности к преувеличению образа [9].

При рассмотрении языкового статуса любой категории, необходимо определить, в какую систему других категорий она входит. Для языковой понятийной категории интенсивности характерно наличие категории качества и количества. В современной лингвистике понятие категории трактуется как «некоторый признак, который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [7, с. 215]. Когнитивная наука поставила вопрос категоризации как вопрос о когнитивной